

ТМ	Г. XXX	Бр. 4	Стр. 689 - 707	Ниш	октобар - децембар	2006.
----	--------	-------	----------------	-----	--------------------	-------

UDK 161.221.1:316

Оригинални научни рад
Примљено: 06.09.2006.

Василий Петрович Гриценко
Краснодарский государственный
университет
Краснодарск (Россия)

ОБ ИМЕНАХ КАК СОЦИОКОДАХ И ТЕХНОКОДАХ

Резиме

В современной логике познания и бытия человека доминируют способы и средства выводного знания – дискурсивный логос. Однако длительное время в архаичных и традиционных обществах господствовали именные способы кодирования знания. Они основаны на свойствах имени обозначать предметы прямым способом.

Можно полагать, что логический принцип классификации берёт своё начало из генеалогического. Рациональность первобытного мышления стихийно основывалась на уподоблении процесса мышления закономерностям биологической эволюции. Постепенно генеалогическое мышление трансформировалось в логическое, через обращение к деятельности, как порождающему принципу. Таков Бог Аристотеля, как Форма форм, придающая бесформенной материи определённый целесообразный вид.

Мифологическое мышление организовано по принципу уподобления. Отождествление изоморфных единиц происходило не на уровне самих объектов, а на уровне имён. Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский высказали предположение, что тип семиозиса, характерный для мифа - это номинация, что подтверждается мифологическими сюжетами. Н.С. Вольская полагает, что профессионально-именной характер кодирования опыта в олимпийской системе греков содержит родство с древневосточными системами: в таких социумах все производственные и социальные навыки замкнуты на группы божественных и личных имен. Социальная память архаичных и традиционных обществ работает на основе матриц именного типа, а введение новаций осуществляется путем переименования.

Первоимена выполняли роль как технокода, так и социокода. М.К. Петров предложил выделять следующие основные способы кодирования и трансляции социального опыта: лично-именной, профессионально-именной и универсально-понятийный. В отличие от мифомышления, рациональный дискурс опирается на потенциал дискретно-вербальных кодов и производит сопоставление понятий "самих по себе", в некоей идеальной области вне времени и простран-

ства. Идея изоморфизма является актуальной в обоих случаях, но в области логического мышления она достигается относительной свободой в манипуляции исходными единицами.

Универсально-понятийный социокод зародился в результате культурного переворота, который произошёл в Греции VI-IV вв. до н.э. Это связано с рождением дедуктивных форм построения знания в геометрии Евклида, формулировкой логических принципов построения знания Аристотелем, развитием наследственных способов трансляции знания - софисты. Распределение навыков через универсалии – исходное основание и точка роста новой цивилизации. На разработку нового, основанного на универсалиях социокода европейцам потребовалось около трёх тысячелетий. До XV-XVII вв. европейский очаг культуры совершенствовал традиционную схему социализации: Бог – посредник – человек. Наконец, совокупность обстоятельств толкнула христианских теологов к выводу, что и Священное Писание и сотворённая по Слову природа суть две "Книги" равного достоинства. Одна из них глаголет языками классической древности, а другая, по мнению Галилея, языком математики. Отсюда берёт начало Новое время, экспериментально-теоретическое естествознание и универсально-понятийный социокод.

Ключевые слова: имя, социокод, именной социокод, лично-именной социокод, профессионально-именной социокод, универсально-понятийный социокод

Имя обладает способностью называть предмет прямым, то есть, непереносным способом. Мы уже отмечали, что в социальной семиотике понятие "имя" не тождественно грамматическому имени, именем обозначают не только склоняемые, но неспрягаемые слова.

Именное кодирование развивается исторически. Рассмотрим *исторические типы именного кодирования*.

Современная логика является логикой развёрнутого дискурса. В ней доминируют способы и средства выводного знания. А если мы обратимся к логике первобытного мышления, то в ней мы не обнаружим построений в виде таблицы Менделеева или доказательств, по образу и подобию доказательств теорем в евклидовой геометрии или в современном судебном заседании. Логика мифомышления базируется на иных способах кодирования опыта, из которых выросло современное логическое мышление.

Как утверждают многие современные исследователи, логика мифомышления является логикой именованного и переименованного объектов. Сам же способ мышления путём именованного и переименованного объектов работал как часть другого механизма - механизма генеалогической связи, механизма генетического порождения.

Генеалогический принцип имеет космологический характер, так как в мифе признаётся, что мир в целом, Земля рождаются от живого существа, из яйца и пр. Согласно Ведам Вселенная возникла

из тела первозданного человека Пуруши, которого Боги вначале мира принесли в жертву. Из отдельных частей тела Пуруши, как перво-существа (родителя мира) и первожертвы, возникли разные его части, сословия и пр.

Строительная жертва, используемая в славянской традиции, является результатом аналогичного воззрения: если мир возник из священной первожертвы, то дом, как мир семьи, для того, чтобы быть благополучным, тоже должен строиться в соответствии с законами мироздания, на основе жертвы¹.

Генеалогический принцип в архаическом мышлении является основой ориентации в мире и способом сделать неизвестное известным. У Леви-Стросса мы находим показательный в этом отношении отрывок: "Для маори мир в целом развёртывается наподобие гигантской родни, где небо и земля изображают первопредков всех существ и всех вещей: моря, прибрежного песка, деревьев, птиц, людей. Можно сказать, что туземец чувствует себя неловко, если не может (а он того желает) до малейших деталей очертить родственные связи, соединяющие его с рыбами океана либо путешественником, которому он оказывает гостеприимство. С подлинной страстью высокородный проникает в генеалогию, сопоставляя её с генеалогиями своих гостей, стремясь обнаружить общих предков и разбирая ветви на старшие и младшие. Приводятся примеры людей, память которых сохраняла в полном порядке генеалогию, включавшую до 1400 персон"². Принцип генетического родства, генеалогическое древо являлись способом упорядочивания материала в памяти и стратегемой мышления. Был ли этот принцип главным, основным, единственным? Наверное, нет! Но он был существенным и как мнемотехнический приём, значительно повышающий объём запоминаемого.

Можно полагать, что логический принцип классификации берёт своё начало из генеалогического, потому что родо-видовые отношения логической классификации есть, не что иное, как логическое переосмысление родо-видовых отношений генеалогической классификации. Рациональность первобытного мышления основывалась стихийно на уподоблении процесса мышления процессам биологической эволюции и биологического порождения. Рациональность первобытного мышления имела в качестве своей подоплеки не гениальность её носителя, а "гениальность" природы в целом. Логика

¹ Вначале могла быть человеческая жертва или крупное животное, потом поменьше, например, заяц, потом монетка. А мы сейчас иногда не моем вспомнить, откуда обычаем трапезничать и выпивать при заложении первого камня, фундаменты. Да все от них, от язычников.

² Prytz-Johansen J., *The Maori and his Religion*, Copenhagen, 1954, p. 9.

мыслительных форм вырастает из "логики природных форм", прежде всего, из "логики" эволюции живой природы³.

Древнегреческий термин *tehne* (искусство, ремесло, профессия) генетически восходит к слову *ticto* (*tec*) - рождаю. Начиная со времени образования полисов, этот термин функционирует в окружении однородных терминов: *physis* - природа (от *phyo* - рождаю, произвожу), *gignomai* (рождаюсь, делаюсь, становлюсь), что означает возможность процесса творчества, порождения нового. Однако постепенно принцип порождения заменяется принципом деятельности. Вначале принцип деятельности рассматривается даже терминологически как точка зрения на организацию живой природы. Можно предполагать, что генеалогическое мышление трансформировалось в логическое через понимание деятельности, как порождающего принципа. Труд крестьянина, ремесленника, скульптора есть тоже порождение из одних вещей других. Что такое Бог Аристотеля? Это Форма форм. А форма в теории природы Аристотеля обладает атрибутом активности, в отличие от пассивной материи. Образ Бога у Аристотеля подобен образу гончара или скульптора, который придаёт бесформенной материи определённый целесообразный вид (форму, идею). Недаром сам Аристотель для пояснения того, что есть форма и материя использует образ ремесленника. Аналогия, употребляемая Аристотелем, демонстрирует, что корни логического мышления уходят не только в природу, а в технологический процесс преобразования человеком природы.

Греческая мифология в своей живой форме, до того как она была переработана художественно, есть та культурная форма сознания, которая соответствует технологии этого периода. В то же время, важно иметь в виду, что с социально семиотической точки зрения, форма есть ключевое содержание социокода. Понятие "форма" универсально, так как форма (устойчивая структура, стандарт, вид) вещи есть порождающий принцип, способный принимать облик технологического, социального, ментального кода.

Что же представляет собой мифомышление? Мифологическое мышление организовано не по принципу выводного, логико-силлогистического мышления, а по принципу уподобления. Примером этого может служить следующий факт: когда носители архаичного сознания строили мифологическую модель мира, то в этой модели Вселенная, общество и человеческое тело рассматривались как изоморфные модели.

³ Подобные соображения, кажется, стали само собой разумеющимися в современной эволюционной эпистемологии.

Результаты этого до сих пор хранятся в предметах традиционной культуры. Жилище, традиционный женский наряд также сделаны в уподобление Вселенной. Так, скроен традиционный наряд русской девушки: головной убор - кокошник берет свое название от имени кокоша (ко-ко), что значит курица, и как всякая птица символизирует верх (небо). Волнистые узоры, узоры в виде зигзага обозначают небесные воды. Прямоугольники, ромбы обозначают возделанные земли, пашню. Ниспадающие сверху вниз ленты, – рясны, – есть подобие небесных живительных вод, ниспадающих вместе с дождями: небесные хляби, дающие плодородие. В целом, женский костюм представляет не что иное, как предметно-символическое воплощение Мирового дерева и мировоззренческое подражание Вселенной. Такой изоморфизм должен означать высшую степень благополучия для индивида.

Изоморфизм мог простираться до установления отношений подобия между отдельными планетами, минералами, растениями, социальными функциями и частями человеческого тела. Отождествление изоморфных единиц происходило не на уровне самих объектов, а на уровне имён. Мифологическое отождествление предполагало трансформацию объекта, которая происходит в конкретном пространстве и времени.

В отличие от мифомышления, логическое мышление оперирует словами, которые обладают относительной самостоятельностью, дискретностью. Рациональный логический дискурс производит сопоставление понятий в некоей идеальной области вне времени и пространства. Он как бы рассматривает предмет "сам по себе", "объективно". Идея изоморфизма является актуальной в обоих случаях, но в случае логического мышления она достигается относительной свободой в манипуляции исходными единицами.

Загадка знакового содержания мифологического кода во многом уходит в систему обозначения, характерную для общества с мифологическим сознанием. Система референции мифа опирается на язык собственных имён и устанавливает отношение между смыслами путём аналогий и эквивалентностей. Связь знака и значения для первобытного сознания иная, нежели для современного человека. Она имеет более непосредственный характер, чем в современном обществе, поэтому основным элементом знаковой реальности в мифе является имя. Действия с предметами, и имитация этих действий с именами, соотносятся прямым способом. Этим может быть объяснена практика табуирования имён, запреты на произнесение определённых имён, сокрытие имен в определённых ситуациях, двойные имена и прочие уловки.

Примеры магического использования имен можно найти во многих источниках по первобытной культуре. Так, по сообщению

Дж. Фрезера в "Золотой ветви", воины племени сулка в Новой Британии, в случае нахождения вблизи своих земель врагов гактеев называют их "гнилые стволы деревьев" ("o larsiek"). Они полагают, что тем самым "сообщают" своим врагам слабость, тяжеловесность и неуклюжесть. Очень распространены запреты на произнесение имён близких родственников - мужа, жены. Как правило, запрету подвергается произнесение имён покойников, чтобы не потревожить их дух. Словарь многих племён подвергается частому обновлению ещё и из-за того, что детям дают имена природных стихий - огня, воды, ветра, Луны и пр. Наличие диалектов и большого числа слов синонимов в качестве одного из объяснений имеет табуирование имён, требовавшего пускать в оборот всё новые и новые слова и выражения.

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский высказали предположение, что тип семиозиса, характерный для мифа – это *номинация*. Знак в мифе аналогичен собственному имени. *Номинационный* характер мифологического семиозиса подтверждается мифологическими сюжетами: "Таковы ситуации "называния" вещей, не имеющих имени, которые рассматриваются одновременно и как творения, переименования как перевоплощения или перерождения; овладения языком (например, птиц или животных); узнавания "истинного" названия или сокрытия его. Не менее показательны разнообразные табу, накладываемые на имена собственные; с другой стороны, и табуирование имён нарицательных (например, названий животных, болезней и т.д.) в целом ряде случаев определённо указывает на то, что соответствующие названия осознаются (и, соответственно, функционируют в мифологической модели мира) именно как собственные имена"⁴. Они полагают, что мифологическое сознание имеет характер замкнутого на самого себя образования и принципиально непереводаемо в план иного описания. Последнее обстоятельство обусловлено фактом непереводаемости собственных имён, вследствие чего миф может быть постигнут только изнутри, а не извне. И, в то же время, носители современного сознания способны постигнуть миф, что достигается благодаря гетерогенности мышления современного человека, "которое сохраняет в себе определённые пласты, изоморфные мифологическому языку"⁵.

Таким образом, будем считать, что культура, основанная на мифологическом социокоде, в семиотическом плане ориентирована на собственные имена. Поскольку знаковое сознание аккумулирует в себе социальные отношения, борьба с теми или иными формами со-

⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А., *Миф – имя – культура*, Труды по знаковым системам, вып. VI, Тарту, 1973, с. 286.

⁵ Там же, с. 293.

циального зла в истории культуры часто выливается в отрицание отдельных знаковых систем⁶. В естественном языке семантические изменения идут путём постепенных семантических сдвигов, а в "языке собственных имён" путём переименования⁷.

Логично предполагать, что мифологические имена, как первоимена, имели иной характер, чем современные имена.

Человеческий интеллект, как смыслопорождающее устройство, работает в двух видах ментальных и языковых кодов - дискретных и континуальных. Современные исследователи культуры сформулировали это в виде некоторого закона обязательного двуязычия. Становление человеческой ментальности есть также развитие двух видов кодов – дискретных и континуальных. Наряду с изобразительными языками, языками образами, развивались языки дискретно-дискурсивного характера, например, языки именования. Некоторые исследователи даже утверждают, что первые имена были в то же время метафорами. Категорическую формулировку этого положения мы можем встретить у А.И. Пигалева: "...Мы приходим к выводу, что первые слова были священными именами в качестве социальных императивов, а эти имена, в свою очередь, были метафорами"⁸. Метафора по своей внутренней природе двупланова. Это, в частности, означает, что метафора позволяет переносить признаки социума на природу и обратно. Она выполняет функцию аналогии в процессе познания, являясь сравнением.

Ритуальные действия, обладающие высоким эмоциональным накалом и являясь языком культуры, в то же время были способом развития языковых структур и семиотической средой порождения вербального языка и мышления. Эмоциональный накал ритуала позволял акцентировать внимание на существенных сторонах бытия и деятельности человека. Длительные и монотонные повторения, характерные для ритуального действия, формировали систему рефлексов – условных связей между видимыми объектами, их символами, жестами и речевыми выкриками. В то же время, эмоциональный накал совместной деятельности позволял переводить существенные для коллектива знания, закодированные в знаках и символах, в долговременную память. Именно эмоции являются главным и эффективным средством, повышающим запоминаемость тех или иных

⁶ Там же, с. 295 - 296.

⁷ Многие наши отцы верили, что если они переименуют Петроград в Ленинград, а улицу Сталина в улицу Ленина, то достигнут истины. А в современном Краснодаре это часто ассоциируют с такими переименованиями: улица Шаумяна переименована в улицу Рашпиля, развивается компания за переименование Краснодара в Екатеринодар. А счастья как не было, так и нет. Вот тут у меня глюк.

⁸ Пигалев А. И., указ. соч., с. 52.

сведений. В то же время, ритуал, как коллективное действие, являлся способом обобщения некоего знания в практике совместного действия. Буквально это означает, что обобщенное знание – это общее знание, а основой для такого обобщения была социальная память. Зафиксированное с помощью одних и тех же знаков, такое знание генерализуется не только в пределах одного поколения, но и, проходя через процессы межпоколенной трансляции. Ритуальные танцы племени и сопряженные с ними "танцы" имен – это матрица социальной структуры рода. Иными словами, структура рода, равно как и первые имена, не создаются в сфере рутинной повседневной деятельности. Они "выплаваются", "отливаются" в пышущем жаром и экзальтацией горниле ритуального коллективного экстаза.

Однако ритуал не может длиться бесконечно, рано или поздно он заканчивается. Как же сохранить, сделать длящейся сформированную ритуалом организацию родовых отношений? Ведь представленная самой себе эта структура неизбежно распадается, в соответствии с законом "энтропийного" рассеяния.

Проблема разрешается за счет появления новых форм языка, который служит указанной цели и замещает ритуал в промежутках между его выполнением, т.е. в то время, когда род не собирался⁹. Сказанное заслуживает всяческого внимания. Но при этом хочется еще раз подчеркнуть, что язык в данном случае понимается А. И. Пигалевым лингвистически, а не семиотически. К тому же, лингвистическое понимание языка приводит к неверному представлению, будто ритуал существует без языка, хотя сам ритуал есть одна из разновидностей языка и возникновение именованного кода есть развитие еще одной знаковой системы. Следовательно, проблема смещается в область перевода – перевода ментальных смыслов с одного языка культуры на другой.

Концепция О. Конта о том, что общество проходит теологическую, метафизическую и позитивную стадии развития оказалась прямолинейной и примитивной. Общественное сознание любой эпохи имеет гетерогенный характер, оно многослойно и многомерно. В силу этого, мифологический тип мышления и сознания никогда не умирал, а только модифицировался. Интересная иллюстрация этого рода – эпоха Петра I. Пётр мыслился как некий демиург, единоличный творец нового мира, аналогичный мифологическим героям. Само монументальное воплощение Петра в скульптурном образе, созданном Фальконе, – подтверждение этому. Пётр предстает как Перун, или как Георгий Победоносец, ведь он поражает Змия. Как и положено Перуну, он находится на возвышенности и на коне. Мифо-

⁹ Там же, с. 53.

логическое содержание в преобразованном виде перешло затем в образ Георгия Победоносца. Имя изменяется: на смену Перуну пришёл Святой Георгий, затем царь Пётр и генеалогическая линия власти может быть продолжена Суворовым, Жуковым и так далее, по списку.

В эпоху перемен новые имена становятся вселенскими, наполняя образ, имеющий своим истоком мифологическое содержание. В эпоху петровских реформ сотворение "новой" и "золотой" России мыслилось как полная замена имён: смена названий государства, перенесение столицы и дача ей "иноземного" наименования, изменение титула главы государства, названий чинов и учреждений, перемена местами "своего" и "чужого" языков в быту и связанное с этим полное переименование мира как такового. Одновременно происходит необыкновенное расширение употребления собственных имён, поскольку большинство социально активных нарицательных имён фактически функционально переходит в класс собственных. В соответствии с мифологическими принципами, смена наименований мыслится как акт уничтожения старой вещи и порождения новой. В современную эпоху критика коммунизма и распад СССР сопровождались переименованием городов, улиц, государственных, общественных и других учреждений и организаций, переименованием должностей¹⁰. Часто такое переименование используется как аргумент "от Запада" и трактуется как возвращение в мир "истинных" ценностей, на путь "истинной цивилизации". Таким образом, в силу принципиальной гетерогенности различных типов культур и сознания, в них присутствует язык и семиозис номинационного типа, а трансформации любого типа социума и общественного сознания обязательно включают в себя механизм переименований. Мифомышление сопровождает нас в современной жизни, его выдающимися современными творцами в России являлись М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин и мы вместе с ним, чем и можем гордиться. Мифологическое сознание удобно тем, что оно не требует убеждений, а опирается на имена, уподобления, табу и магию действия.

Существует величайшее заблуждение воспринимать имена мифологических божеств и героев как красивую выдумку. Попробуем показать, что это совсем не так.

Первоимена выполняли роль технокода. Это неплохо продемонстрировали отечественные исследователи.

¹⁰ Исполком переименовали в мэрию, складское хозяйство в логистику, первых секретарей ЦК КПСС — в президентов, Украину — в Незалежну Украину. Никак не могу выяснить, переименовали на Украине сало в сникерс или нет?

Способы организации древней культуры, мышления и производства исследованы Н.С. Вольской на базе анализа текстов Гомера и Гесиода¹¹. Исходя из того, что принципы порождения и *именования* лежат в фундаменте мировоззрения и организации социума этого периода, Н. С. Вольская указывает: "...Исследуя древность по уровням технологии производства, вскрывая характер трансляции навыков и практических способов действия, сам процесс научения, мы обнаружили один любопытный факт: оказывается, все производственные и социальные навыки замкнуты, согласно Гомеру и Гесиоду, на группы божественных имён, распределены по именам этой группы таким образом, что, с одной стороны, в догомеровскую и гомеровскую эпохи нет ни одного социально полезного навыка, который был бы простой "сиротой", обходился без покровительства имени Бога. А с другой стороны, сами эти имена сплетены кровнородственными отношениями в целостную и конечную по числу имён систему и служат как бы скелетом социальной памяти, на котором удерживается социально- необходимая живая плоть навыков, знаний и представлений. Мы заключили, что такие системы должны быть нагружены социальной функцией, то есть, должны сохранять и передавать от поколения к поколению, обновлять необходимый для существования социума арсенал навыков и умений, иначе говоря, сложившуюся матрицу – систему распределения совокупной социальной потребности в область технологической матрицы практических отношений человека к миру¹².

Поскольку производство понимается ею как производство совокупной потребности, то из этого вытекает и соответствующая трактовка понятия "технологическая матрица", "именная матрица" и "олимпийская система" *кодирования* социального опыта и знаний. Н. С. Вольская следующим образом трактует понятие технологической матрицы: "Технологическую матрицу можно зафиксировать простым списком технологий (земледелие, ткачество, ремесло и т.д.), которые в данный момент используются в производстве. На основании же того, "как производится" (распределение совокупной социальной потребности в систему практических отношений к миру), мы выходим к понятию "*именной* матрицы". В результате проведённого исследования видно, что каждое имя Бога в олимпийской системе нагружено технологией или технологиями (матрица технологическая), но и сами *имена* связаны кровнородственной связью (матрица *именная*). Имя расположено как бы в точке пересечения профессионального и кровнородственного установления, оно "работает" с двойной

¹¹ Вольская Н. С., *Семиотика древнегреческого мифа*, Вопросы философии, 1972, п 4.

¹² Там же, с. 115 - 116.

нагрузкой: концентрирует (кумулярует) в себе несколько технологий (практических отношений к миру), а с другой стороны, являясь *именным* различием среди других имён и объединяя профессии в различении, имя соотносится со всеми именами по кровнородственному установлению. Таким образом, используя имя в качестве ключа при связи двух оснований в единую и замкнутую структуру социального целого, эти две матрицы взаимодействуют между собой, обеспечивая воспроизводство в такой системе. Для грека исследуемых эпох именной Бог-знак есть что-то повседневное, что стало неотъемлемой частью его жизни, откуда он черпает все свои знания, умения и навыки и добывает ответы на все вопросы жизни"¹³. Древний грек испытывает весьма своеобразную нужду в богах: если говорить современным языком, такой Бог для грека крито-микенской и гомеровской эпох – что-то вроде нашего справочника, откуда он (грек) познаёт искусство жить и трудиться. Но мы замечаем при этом, что сам факт деятельности людей парадигматичен (Аристотель назовёт это формой), а содержание деятельности, зафиксированное в именной матрице Олимпа, активно и обеспечивает работу системы.

Мы обнаруживаем, что в системе типа Олимпа нет привычной для нас логики вывода, дискурса, нет индивидуального творчества, которое создаёт ситуацию выбора, нет абстракции, умозрения, выхода во всеобщее. Описываемая система не использует привычных и обязательных для нас всеобщих логических категорий и понятий, а функционирует с опорой на чуждые нам традиционно-мифологические обращения к Олимпу. Такого рода социальные и знаковые структуры не "работают" по принципу субъектно-объектных отношений, но используют такой ключ связи, когда контакт устанавливается не между мысляще-деятельным субъектом и чем-то внешним по отношению к нему, а между мыслью и действием, словом и делом. В этом типе семиозиса между словом и делом существует совершенное взаимопонимание, отношение, фиксирующее примат слова над делом, подчинение и точное исполнение дела по слову¹⁴. Названный способ организации социально-полезных навыков и знаний, по мнению Н. С. Вольской, является широко распространённым и типичным для обществ, в основе экономической системы которых находится ремесло и земледелие.

На уровне социума *кодирование* профессиональных умений и навыков осуществлялось в системе Божественных имен. В зависимости от освоенности навыка и других причин, мифологические описания имеют большую или меньшую детализацию описываемых про-

¹³ Вольская Н. С., *указ. соч.*, с. 123 - 124

¹⁴ Там же.

цедур. В конечном счете, по мере рационализации накапливаемого опыта, за Божеством сохраняется функция основателя и покровителя профессии. Так, Афина научила людей обуздывать коней, запрягать быков, строить корабли, делать колесницы и многому другому. Богиня Бхваи тхагов Индии научила душить жертв платками и дала им священный заступ и т.п. Боги покровители так же образуют определенные семьи, родственные линии и генеалогические древа, определенную иерархию связей. Все это делает социокод целостным, системным образованием и в то же время придает ему определенную подвижность.

Социокод, на уровне социума состоящий из имен Богов и героев, коррелирован с другой системой имен, с персональными именами-различителями. В свою очередь, система профессиональных навыков и знаний, также распределена между именами и все это сочленено в мифе.

Названный тип логического и социально-культурного *кодирования* опыта, по-видимому, является универсальным. Н. С. Вольская предполагает, что профессионально-именной характер *кодирования* опыта в олимпийской системе указывает на её родство с древневосточными системами *кодирования* опыта и знаний. Предшествующая античности социальность была близкой по типу к египетской и ближневосточной. Основные мифологические принципы: 1) общее происхождение (одинаковое начало); 2) циклическое перерождение (рождение; детство, отрочество, юношество; зрелость; старость; смерть и, одновременно, снова рождение); 3) борьба противоположностей - прослежены и отмечены как идентичные не только у древних греков, но и в космогониях египтян, народов Ближнего Востока, полинезийцев и у сибирских племён.

М.К. Петров рассмотрел историческую эволюцию именных способов кодирования знания и опыта¹⁵. Он предложил выделять следующие основные способы кодирования и трансляции социального опыта: лично-именной, профессионально-именной и универсально-понятийной.

Социокод личностно-именного типа является самым древним. Ключевым звеном этого социокода было имя, которое по своей природе имеет конкретно-личностную, персонифицированную направленность. В своей языковой форме подобный код представляет набор нескольких *имен*, например, детского, взрослого, стариковского,

¹⁵ Петров М. К., *Самосознание и научное творчество*, Ростов н/Д., 1992. Петров М. К. *Человек и культура в научно-технической революции*, Вопросы философии. 1990, п 5. Петров М. К., *Язык и категориальные структуры*, Науковедение и история культуры, Ростов н/Д., 1973.

которые присваивались социальному атому по мере его социализации.

Индивид, как социальный атом, занимающий определенный социальный статус, есть в то же время функционер, носитель определенной совокупности социальных ролей, которыми он овладевает на протяжении индивидуальной истории в соответствии со сложившейся в данном социуме структурой разделения труда. Сообщество предоставляет индивидам возможность быть носителями имен в соответствии с их способностями, обнаруженными в ходе проявления социальной активности. Таким образом, имя не произвольно, а значимо и напрямую соответствует деловым качествам социального атома.

Вначале индивид является носителем детского *имени*. Детское имя закрепляет за ребенком определенную нишу в социализации, предписывает сферу возможного освоения некоторых функций. Под опекой стариков ребенок входил в круг игрового освоения коллективного опыта, осваивал элементарные навыки и социальные установки.

На следующем этапе социализации социальный атом, как член общины, становится носителем юношеского *имени*. В этом *имени* закрепляются роли-функции юноши по освоению навыков взрослого члена родового коллектива. Успешное прохождение этой стадии завершается присвоением подростку взрослого *имени*, которое является основным в его жизни. Присвоение этого *имени* и посвящение во взрослые осуществляется в ходе особого обряда - инициации. В этом обряде юноше раскрывается тайна рода, ему "прописывается" статус – определенная социальная роль, которая закрепляется во взрослом имени¹⁶.

Стариковское имя символизировало функцию носителя социальной памяти. Они занимали свою нишу в родовом коллективе. Лишь с определенного времени старость переставала быть обузой для коллектива и стариков переставали изгонять или убивать¹⁷. Индивид, доживший до старости, получает *стариковское имя*, которое несет особую нагрузку – выполнять функцию социальной памяти. Свое же *взрослое* (статусное) *имя* индивид, как социальный атом, передает другим членам родового коллектива, которые перенимают эстафету социальной преемственности.

¹⁶ Некоторые исследователи известный образ из русских сказок, – избушка на курьих ножках, – интерпретируют как место инициации.

¹⁷ В то же время, культура начинается собственно тогда, когда осознается важная социальная роль старости и стариков, их перестают воспринимать как обузу: изгонять, убивать, поедать.

Ставший старейшиной член родового коллектива превращается в живое воплощение социальной памяти, одной из ее ячеек; его статус предписывает ему осуществление функций хранения обычаев, традиций, обрядов, функцию цензуры социальных нормативов и технологических стандартов деятельности. Этот период функционирования социальной памяти характеризуется двумя важнейшими чертами: 1) опорой на интеллектуальные и мнемонические качества мозга; 2) опорой на устную трансляцию опыта и знаний.

Господство живой памяти над предметной выразилось в том, что устная традиция передачи знаний была длительное время ведущей. Как справедливо пишет М. К. Петров: "Устойчивость, преемственность, целостность социокода этого типа опирается только на возможности человеческой памяти, так что и критические моменты посвящения и сами имена окружены плотной атмосферой мнемонических средств – ритуалов, обрядов, тренажей"¹⁸. С одной стороны, старики, совет старейшин был хранителем социального опыта и высшим надзорным органом, следящим за правильностью его воспроизведения. При этом, требования адекватности заключались в том, что опыт должен был передаваться в неизменном виде. Такая система трансляции была чрезвычайно жесткой и абсолютно консервативной. С другой стороны, должна была осуществляться селекция и выбраковка негодного опыта. Имелись специальные механизмы корректировки социального опыта, дренажирования социальной памяти. Видимо, эта гибкость достигалась за счет того, что функции Божественных имен изменялись, роль отдельных Божеств и их значение не оставались неизменными. Старые Боги часто получали новые имена и "профессии", они вступали в новые родственные связи¹⁹.

Система личных имен выполняла свои функции лишь в соотношении с системой божественных имен. Иногда исследователей просто поражает то многообразие языческих божеств, которые имелись у разных племён и народов. Поражает также конкуренция, борьба между различными божествами, их полифункциональность и изменчивость. Это не случайно. Использование мифологических божеств в качестве средства *кодирования* и аккумуляирования социального опыта требовало постоянной корректировки их роли, функций и их родословных. Таким образом, неопределенность функций, из-

¹⁸ Петров М. К., *Человек и культура в научно-технической революции*, Вопросы философии, 1990, п. 5, с. 86.

¹⁹ Например, буддизм возник как идеология оппозиционная брахманизму. Однако, в ходе дальнейших идеологических трансформаций случилось так, что Будда также был включен в пантеон индуистских божеств, он стал одним из превращений Вишну.

менчивость и непостоянство мифологических божеств, совмещение одних и тех же функций у разных божеств обусловлены потребностями обновления социокодов, социальными изменениями (объединения племен, завоевание, разорение), задачами корректировки традиций, обрядов, технологических навыков.

В западной философии, в том числе и отечественной, существует гегелевски-марксистская традиция рассматривать всеобщими формами мышления, формами кодирования производственного и социального опыта категории. Отечественные философы в 70-80 гг. активно разрабатывали теорию о категориях как формах мышления и формах деятельности людей. Насколько совместима эта точка зрения с рассмотренной ранее? Является ли мышление древних обществ, первобытных обществ некатегориальным или докатегориальным? А может быть, идея категориальных структур как универсальной является схоластической выдумкой? На этот вопрос необходимо дать ответ, так как после именного способа кодирования опыта и знаний должен следовать другой – но какой?

Создание формальной логики Аристотелем есть акт символический в семиотическом смысле этого слова, означающий, что в полисном типе социума родился новый способ упорядочивания материала и кодирования социального опыта. Произошло рождение дискретно-логического (дискурсивного) способа работы мысли, оперирующего понятиями, суждениями, умозаключениями; родился дискурс, основанный на доказательстве и опровержении, на классификации и выводе.

Рождение дедуктивных форм построения знания, примером чего являлась евклидова геометрия, свидетельствовало о значительной рационализации человеческого сознания. Н. С. Вольская так же указывает на фундаментальную роль Аристотеля в процессе перехода к новой системе семиотического кодирования информации. Нужда в *олимпийской семиотической системе* сама по себе отпала лишь после того, как возникла новая семиотическая система, способная, как и Олимп, сохранять, использовать и накапливать знания и навыки. "Такой семиотической системой на греческой почве явилась философская система Аристотеля - его наука логики. Весь период в развитии греческой философской мысли, от первых философов до Аристотеля, подготовил эту смену "олимпийского" способа мышления философским", – указывает исследовательница²⁰.

Со времени Гераклита и элейцев начинается сосуществование двух типов мировоззрения. Вся предшествующая Аристотелю деятельность античных философов может быть рассмотрена как поиск и

²⁰ Вольская Н. С., *указ. соч.*, с. 125.

отбор новых способов кодирования и трансляции рационального опыта. "Вплоть до Аристотеля, – пишет М.К. Петров, – мы не найдём попыток отказаться от традиционной кровно-родственной связи и перейти к связи логической"²¹. На смену *профессионально-кастовому способу трансляции* знания приходит *универсально-понятийный*, опирающийся на использование категориального потенциала языка. Процесс межпоколенной трансляции ценностей, знаний, умений и навыков модифицируется, он перемещается из рамок семейной наследственности в область образования. Аристотель всей своей систематизаторской мощью опирается на предшествующий языковой потенциал, на стихийно накопленный в рамках языковых структур опыт рационального постижения действительности. Подтверждением этого является выявление Э. Бенвенистом того факта, что образование десяти категорий философской системы Стагирита обусловлено морфологией древнегреческого языка²².

Аристотель обнаруживает логические связи в чистом виде, открывает и систематизирует в теоретической форме законы формальной логики. Ему также принадлежит приоритет использования символов в логике для изучения структуры и закономерностей мышления, он начинает оперировать в логике переменными. Переход к логическому способу *кодирования* знания древнегреческими учёными привёл науку к созданию теоретического знания. Апофеозом этого процесса рационализации познавательной деятельности стала формулировка логических принципов построения знания Аристотелем и построение дедуктивных аксиоматических систем Евклидом. Формальная логика и евклидова геометрия, с научной точки зрения, являются разными научными теориями, но как *семиотические метафоры* они идентичны.

Универсально-понятийный социокод возник в результате того культурного переворота, который произошёл в Греции в VI в. до н.э. М.К. Петров считает, что решающим фактором в этом случае было изобретение многовёсельного корабля. Именно этот продукт материальной культуры стал семиотической метамоделью, которая в реальной практике трансформировала процессы кодирования и трансляции социального опыта ионийцев.

Для *традиционного типа кодирования* тупиковым оказался путь специализации. Неразрешимость этой проблемы (специализации), в конце концов, привела к кризису и разрушению традиционного, именного способа кодирования и трансляции знания. М.К. Петров по этому поводу пишет так: "...Возвратно-поступательное дви-

²¹ Петров М. К., *Язык и категориальные структуры*, Науковедение и история культуры, Ростов н/Д., 1973, с. 76.

²² Бенвенист Э., *Общая лингвистика*, М., 1974, с. 104 - 114.

жение великих цивилизаций от гибели рождения, через расцвет и увядание к гибели рождению... один единственный раз было прорвано в забитом островами бассейне Эгейского моря, где многовёсельный корабль, изобретение безвестного "работника Афины", разрешил основу профессионализма - отчуждение 15-20% земледельческого продукта на нужды специализации, исключил саму возможность движения по традиционному пути развития и в долговременной, на полтора тысячелетия, трагедии проб и ошибок заставил людей найти способ совмещения профессий, перевести профессиональные навыки в личные, сделал из человека-профессионала просто человека. Одиссей, например, земледelec, плотник, воин, пират, навигатор, плаватель. Он человек-универсал, просто человек, в голове которого совмещены изолированные прежде очаги профессионального знания, совмещены и замкнуты на речь программирующую, на "логос"- слово, которому подчинено "пойесис"- дело, совмещены, замкнуты и связаны уже не кровнородственными узами знаковымён, а универсалиями языка, греческой грамматикой²³.

Распределение навыков через универсалии – исходное основание и точка роста новой, универсально-понятийной схемы социального кодирования. На разработку, основанного на универсалиях, социокода европейскому очагу культуры потребовалось около трёх тысячелетий. Особенно много хлопот принесла задача поиска и разработки механизмов накопления и социализации – ввода в социокод нового знания. До XV-XVII вв. европейский очаг культуры совершенствовал традиционную схему социализации нового: Бог – посредник – человек. Наконец, совокупность обстоятельств толкнула христианских теологов к выводу, что и Священное Писание и сотворённая по Слову природа суть две "Книги" равного достоинства. Одна из них глаголет языками классической древности, а другая, по мнению Галилея, языком математики. Отсюда берёт начало Новое время, экспериментально-теоретическое естествознание и универсально-понятийный социокод²⁴.

Таким образом, логический принцип родо-видовых отношений, который является основой классификаций и систематизаций в современном мышлении, вырос из принципа кровнородственной связи. Кризис язычества и возникновение мировых религий, с точки зрения семиотической, есть перестройка социокода. Во-первых, изменилась роль *имени*. *Имена* языческих божеств были табуированы. Со времени Просвещения эти *имена* стали рассматривать как некую игру фантазии, забавную выдумку суеверных, зависимых от приро-

²³ Петров М. К. *Человек и культура в научно-технической революции*, Вопросы философии, 1990, п. 5, с. 88 - 89.

²⁴ Петров М. К, *там же*.

ды и примитивных людей. Однако этот образ, созданный крайним рационализмом, является неверным с социально-семиотической точки зрения.

Социокод именного типа был основным на протяжении Всемирной истории. Социокод на основе универсалий был рожден не сразу: некоторые его элементы были заложены в эпоху античности, другие – в эпоху средних веков и Возрождения. Универсально-понятийный социокод в полной мере впервые превратился в структурную основу накопления, обобщения и транслирования опыта в западноевропейском обществе. Однако именно код являлся основным не только из-за длительности своего существования, но и потому, что с ним связано рождение цивилизации вообще и ее основные достижения. Открытие универсального социокода является приоритетом античности и Ренессанса. Цивилизации, базирующиеся на именном типе социокода, как основном, развивались возвратно-поступательным, циклическим способом. Точнее, они не развивались, а эволюционировали по кругу; им на смену приходили цивилизации другого типа. Европейская, западная цивилизация и культура родила тип прогрессивной эволюции общества, основанный на универсально-понятийном типе социокода, образовании и промышленных технологиях.

Василиј Петровић Гриценко, Русија

ИМЕНА (НАЗИВИ) КАО СОЦИОКОДОВИ И ТЕХНОКОДОВИ

Резиме

У савременој логици сазнања и оној човековог бића претежу начини и средства дедуктивног знања – као један дискурзиван логос. Међутим, дуго су времена у архаичним и традиционалним друштвима царовали именски начини његовог кодирања. Они, пак, почивају на моћи имена да могу да предмете означе непосредно.

Може се узети да логички принцип класификације води порекло од генеалогског, а да се рационалност првобитног мишљења стихично засновала на аналогичности мишљења с закономernoшћу биолошке еволуције. Генеалогско мишљење се постепено трансформисало у логичко, кроз обраћања стварности, као генеративном принципу. Такав је Бог Аристотела, или Форма форми, која саопштава бесформној материји одређени сврсисходан облик.

Митолошко мишљење је организовано по принципу аналогичности. Овде се изједначавање изоморфних јединица одвија не на нивоу објеката самих, већ на нивоу имена. Ју. М. Лотман и Б. А. Успенски износе претпоставку да је тип се-

миозиса карактеристичан за мит, управо, номинација, а то потврђују и митолошки сижери. Н. С. Волскаја, пак, узима да професионално-именички карактер кодировања искуства у олимпијском систему Грка садржи сродност с древноисточним системима: у таквим су социјумима све производне и социјалне навике обухваћене групама божанских и личних имена. Социјално памћење архаичних и традиционалних друштава почива на матрици именичног типа, док се увођење новог остварује путем преименовања.

Потом, прва су имена обављала улогу како технокода, тако и социокода. М. К. Петров је предложио разликовање следећих основних начина кодировања и транслације социјалног искуства: лично-именички, професионално-именички и универзално-појмовни. За разлику од митског мишљења, рационални дискурс се ослања на потенцијал дискретно-вербалних кодова и налаже срачунивање појмова "самих по себи", у некој идеалној области ван времена и простора. У оба случајева се јавља актуалном идеја изоморфизма, но у области логичког мишљења она се достиже релативном слободом при манипулацији полазним јединицама.

Универзално-појмовни социокод се зачео у резултату једног културног преврата, до којег је дошло у Грчкој између VI и IV века пре н. е. То се повезује и с настанком дедуктивних форми изградње знања у геометрији Еуклида, формулацијом логичких принципа изградње знања код Аристотела, као и развојем ненаследних начина транслација знања код софиста. Притом је расподела навика путем универзалија била полазна основа и тачка прогреса једне нове цивилизације. На разради новог, заснованог на универзалијама социокода, Европљанима је било потребно око три миленијума. Све до XV-XVII в. европска ризница културе остваривала је традиционалну шему социјализације: Бог – посредник – човек. На крају, све су те околности привела хришћанске теологе до закључка да су и Свето Писмо, и природа саздани по Речи, две "књиге" једнаке вредности. Једна од њих говори језиком класичне старине, а друга, по мишљењу Галилеја, језиком математике. Ту налазе почетак Ново доба, експериментално-теоријско знање о природи и универзално-појмовни социокод.

Кључне речи: име, социокод, именички социокод, лично-именички социокод, професионално-именички социокод, универзално-појмовни социокод